Европа и Россия: диалог о русской философии

Опубликованные в 94–96-м томах полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера «Черные тетради» стали сенсацией и породили на Западе острые дискуссии, которые вышли за пределы философских изданий. В России эти тексты, опубликованные в 2014 году, пока что малоизвестны, между тем в них даны острейшие метафизические диагнозы современной болезни Европы. Единственный в России на сегодня научный анализ части посмертных текстов великого немецкого метафизика дан в статье Н.В. Мотрошиловой [7]. По следам публикации «Черных тетрадей» она обратила внимание на открывшийся в этих текстах новый взгляд на Россию и на необходимость расширения диалога между европейской и русской культурами. «Русские, – писал Хайдеггер, – уже столетие назад много знали, и знали точно, о немецком начале, о метафизике и поэзии немцев. А немцы не имели никакого понятия о России. Перед каждым практически-политическим вопросом, [вместе] с которым мы должны соотнести себя с Россией, стоит единственный вопрос: кем же, собственно, являются русские? Как коммунизм (взятый в виде безусловного марксизма), так и современная техника суть полностью европейские явления. Оба – только инструменты русского начала, а не оно само» [7][1].

Характерно, что это своеобразное философское завещание Хайдеггера, написанное в эпоху существования СССР с антикоммунистических позиций, отнюдь не сводилось лишь к обвинению России и русского коммунизма в тех кризисных явлениях, которые испытывает современное общество в эпоху «нового времени» (термин Хайдеггера). Распространение массовой культуры, падение нравственности, дегуманизация, «коммунизм в виде безусловного марксизма», современная техника, – все это, по Хайдеггеру, суть полностью европейские явления. Коммунизм и марксизм – «только инструменты русскости, а не она сама». Причем «русскость» охарактеризована Хайдеггером более сочувственно, чем англо-американское начало, и с акцентированием устремлений, имеющих не меркантильно-расчетливый, а скорее духовный характер. Такова же роль «англичанства» в формировании идущего к своему концу «нововременного человека». И те, и другие «ведут борьбу за ничто», выступают в качестве отрицателей бытия, нигилистов. Причем своего апогея нигилизм достигает именно в американизме. Сущность американизма, по Хайдеггеру, «состоит в безусловном исчерпании Нового времени через его опустошение». Русскость же при всей своей брутальности и жесткости, выраженной в большевизме,

[1] Здесь и ниже цитаты из «Черных тетрадей» даны в переводе и в изложении Н.В. Мотрошиловой.

Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mmaslin@yandex.ru

одновременно обладает качествами укорененности в бытии, отсутствующими в беспочвенном американизме. «Опустошение Европы» уже началось в виде господства «американизма» в его худшей форме, причем и в политическом, и в экономическом, и в культурном отношениях. Поэтому однажды, предсказывает Хайдеггер, перед европейской историей возникнет миссия борьбы против американизма с его отсутствием корней.

Борьба Хайдеггера против деградации «нововременного человека» имеет немало общего, несмотря на мировоззренческие несходства, с поставленным Н.А. Бердяевым диагнозом болезни новоевропейского гуманизма, «устремляющегося вниз, к Царству Антихриста». Этот вывод Бердяев сделал в качестве осмысления итогов Второй мировой войны в послевоенном произведении «Русская идея» (1946). Но и в своем предвоенном сочинении «Судьба человека в современном мире» (1934), получившем известность и переведенном на многие иностранные языки, Бердяев высказал сходное ощущение европейского кризиса, приближающейся катастрофы. Он прямо сослался на близость своих мыслей к мыслям, высказанным в предвоенных сочинениях Хайдеггером: «Сознание падшести мира очень сильно у Гейдеггера в его философии». Бердяев писал: «Именно в наше время настолько выявились результаты длительного исторического процесса, что стал возможен и неизбежен суд над историей, над ее неудачей. Эти результаты обнаружились в жизни национальной, политической и экономической, они обнаружились и в духовной культуре, в литературе, в философии, ибо и там пошатнулся образ человека, и там разлагается целостность человеческого существования. И над всем царствует только одна положительная, созидательная сила – сила техники. Человек переходит в новый космос. Все элементы нашего времени были уже в прошлом, но эти элементы обобщаются, универсализируются и окончательно выявляются. Именно в наши дни агонии мира остро чувствуется, что мы живем в падшем мире, разодранном непреодолимыми противоречиями» [1, с. 323].

Сходство позиций Бердяева и Хайдеггера, одинаково озабоченных судьбами человека в современном мире, указывает на то, что русская философия имеет свою неповторимую судьбу, оставаясь при этом философией – носительницей универсального опыта, обращенного ко всеобщему. Источник этого универсального опыта во многом определяется связью русской мысли с европейской философской традицией, которая никогда не прерывалась при всех драматических переломах отечественной истории. Философско-богословское общение Древней Руси с христианской Европой восходит ко времени Крещения Руси в конце X века. После падения второго Рима – Константинополя – и завоевания Византийской империи турками в 1453 году Московское царство становится единственным центром православия, способным сохранить чистоту христианской веры. Отсюда ведет свое происхождение средневековая религиозная идея «Москва – Третий Рим», имеющая европейский источник в качестве идей *Roma aeterna* и *translatio imperii* и получившая широкое распространение в православной философско-богословской мысли. Само присутствие «римской темы» в сознании русского средневековья, как и мысль о преемстве Москвы Риму и Константинополю, говорит о том, что осмысление Русью самой себя осуществлялось в европейском контексте. Собственно философское общение русских философов с философами Европы восходит к XVII–XVIII векам, ко времени основания первых высших учебных заведений на территории России. Это Киево-Могилянская академия (1632) в Киеве и Славяно-греко-латинская академия в Москве (1685). Предпосылкой для такого общения становится начало преподавания в России философии как самостоятельного, отдельного от богословия предмета.

В XVIII веке, в эпоху реформ Петра I, общение светских, нерелигиозных русских философов с мыслителями Европы особенно активизировалось. Как извест-

но, Лейбниц был научным консультантом у Петра I, по его проекту были основаны Петербургская академия наук и университет при академии (1724). Русское Просвещение становится частью европейского Просвещения, большое распространение получают труды французских и немецких мыслителей. Основатель Московского университета и первый русский ученый мирового значения М.В. Ломоносов учился в Германии, в Марбурге и Фрейберге, его учителем был известный ученый и философ Христиан Вольф. В XIX веке связи русской и европейской философии расширились. Первым иностранным языком, на который был переведен «Капитал» К. Маркса, был русский язык (1872). Маркс, как известно, специально изучил русский язык, чтобы читать сочинения Н.Г. Чернышевского, а первыми русскими текстами для него стали мемуары А.И. Герцена «Былое и думы».

Первые работы, специально посвященные русской философии, появились в Европе в 10–20-х годах XX века, будучи результатом диалога представителей русской и европейской философии, Томаша Гаррига Масарика (1850–1937), чешского и словацкого философа, политика и общественного деятеля, первого президента Чехословакии, и Эрнеста Львовича Радлова (1854–1928), русского философа и переводчика Гегеля, автора «Философского словаря» (1904, 1913), «Очерка истории русской философии» (1912), редактора (после смерти В.С. Соловьева) философского отдела «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, друга и биографа Владимира Соловьева. Первые работы были написаны также: в США (Джулиус Хеккер «Русская социология», 1915); во Франции – ученым русского происхождения Александром Койре «Философия и национальная проблема в России XIX века» (1929). Известная работа, посвященная А.И. Герцену, была опубликована также по-французски славистом Раулем Лабри в 1928 году.

Как Масарик, так и Радлов принадлежали к числу первых в Европе и в России исследователей истории русской философской мысли. Они познакомились в Вене в начале 1880-х годов на почве общих интересов к истории античной философии, которую Радлов изучал во время научной стажировки у профессора Теодора Гомперца. Позднее их интересы сместились (у Радлова раньше, у Масарика позже) в сторону освоения русской философской мысли. Это путь, который проделали и другие известные философы, например, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие. В целом же в России в начале XX века наступает осознание «существенной оригинальности» русской философской мысли (В.Ф. Эрн), ее изучение становится научным и общественным проектом, в нем участвуют лучшие философские силы, которые группировались вокруг Московского психологического общества и журнала «Вопросы философии и психологии», а также вокруг книгоиздательства «Путь» под руководством М.К. Морозовой. Достаточно упомянуть Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, В.П. Свенцицкого, А.С. Волжского, С.Л. Франка и др. Активными участниками этого движения по изучению русской философской мысли становятся также Радлов и Масарик[1].

Кстати сказать, Т.Г. Масарик благодаря своим философским трудам на немецком языке (по истории философии и логике) был принят в качестве иностранного члена в Московское психологическое общество при Императорском Московском университете, где состояли также Герберт Спенсер, Уильям Джеймс, Эдуард Гартман, Куно Фишер, Анри Бергсон и другие знаменитые европейские и американские философы. Причем членство Масарика в русском научном обществе стало отнюдь не формальным, поскольку он со временем стал выдающимся знатоком русской философии, лучшим в свое время (и на де-

[1] Истории опубликования первой в Европе книги о русской философии, написанной Т. Масариком, посвящена серия работ Е.Ф. Фирсова, основанных на архивных материалах [11; 12].

сятилетия вперед) в Европе. Интересно, что для своего членства Масарик выбрал русифицированные имя и отчество – Фома Осипович.

В 1922 году из советской России была выслана большая группа философов, среди них Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков. Все они публиковали на Западе специальные работы по истории русской философии, которые в настоящее время рассматриваются в качестве собственно русской историографии. Наибольшую известность среди этих работ получили исследования В.В. Зеньковского «История русской философии» (в двух томах. Париж, 1948–1950) и Н.А. Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русский мысли XIX и начала XX столетия» (Париж, 1946). Обе работы были опубликованы по-русски и впоследствии переведены на европейские языки. Однако участие русских философов-эмигрантов в западной интеллектуальной и академической жизни в период до Второй мировой войны не привело к формированию специального интереса к русской философии среди ученых нерусского происхождения на Западе. Например, попыткой ознакомить Европу с русской философией было издание Б.В. Яковенко в 1929–1931 годах на немецком языке журнала «Русская мысль», в котором публиковались русские авторы. Он же издавал работы о русской философии на чешском («История русской философии». Прага, 1939) и на итальянском (1925, 1927) языках. Франк, Шестов, Лосский, Степун, Бердяев, И. Ильин также выступали в различных аудиториях с лекциями о русской философии, но не вызвали на Западе широкой волны интереса к русской философии как таковой.

Массовый интерес к русской философии возникает на Западе только в послевоенный период, после победы СССР в Великой Отечественной войне против фашистской Германии и особенно после запуска СССР искусственного спутника Земли. В результате специальной поддержки правительств западных стран, прежде всего США, начинаются систематические «русские исследования», касающиеся в том числе и русской философии, формируется разветвленное, имевшее развитую инфраструктуру, влиятельное течение обществознания, ориентированное на исследование интеллектуальной истории России. В 1960–1980-х годах бесспорное мировое лидерство в области «русских исследований» принадлежало США. Начало исследований в области россиеведения, на основе которых произошло разрастание на Западе соответствующих институтов, государственных и частных структур, координировавших *Russian studies*, следует отнести к законодательному акту *National Defence Education Act* (NDEA) – Закону об образовании в интересах национальной обороны (принят Конгрессом США в 1958 году)[1]. В своде американских законов, принятых Конгрессом, текст этого законодательного акта занимает 25 страниц, причем данный акт относится к категории так называемых публичных федеральных законов, то есть законов общей федеральной юрисдикции (в отличие от частных законов, касающихся отдельных лиц или учреждений). Целью закона, как было указано в преамбуле, являлись «укрепление национальной обороны и расширение и поддержка распространения и улучшения образовательных программ, направленных на защиту важнейших национальных интересов»[2]. Каждая статья NDEA (всего их насчитывалось десять) подкреплялась обширным финансированием, насчитывающим десятки миллионов долларов.

Под влиянием NDEA в США сложилась система стипендий, грантов, институтов, организаций и других регуляций, касающихся всех возможных аспектов изучения России и СССР, включая экономику, политику, историю, науку, культуру. К этому следует добавить содействие частных благотворительных организаций – фондов Форда, Карнеги, Рокфеллера и др., которые также обеспе-

[1] United States Statutes at Large. Vol. 72. P. 1580–1605.

[2] Ibid. P. 1580.

чили мощную поддержку россиеведческим публикациям и обучению русскому языку, научному туризму в Россию и др. С самого начала NDEA был нацелен на создание развитой организационно-идеологической структуры при американских университетах, на преподавание различных дисциплин и исследования в области *Russian studies*. К началу 1980-х годов в США насчитывалось более 200 русских центров, рассредоточенных по всей территории страны. Благодаря солидной финансовой поддержке уже в конце 1950-х – начале 1960-х годов в США было опубликовано около девяти тысяч монографий и статей, посвященных России и Советскому Союзу. По русской проблематике ежегодно защищалось порядка двухсот магистерских и докторских диссертаций.

Разумеется, подобные учебно-научные подразделения возникли в университетах США не на пустом месте, но благодаря интеллекту русских учёных. Ведущую роль в организации и чтении лекционных курсов по русской истории и культуре и в подготовке соответствующих специалистов сыграли работавшие в США русские эмигранты, главным образом второй, послевоенной волны эмиграции. Среди них М. Ростовский, А. Васильев, Г. Федотов, М. Флоринский, Г. Флоровский, М. Карпович, А. Лобанов-Ростовский, В. Рязановский, Л. Страховский, Г. Вернадский, А. Мазур, Н. Рязановский, М. Раев, С. Зеньковский, А. Гершенкрон. Первая пореволюционная волна эмиграции, как известно, локализовалась по преимуществу в Европе, тогда как вторая переместилась за океан, куда устремились рассыпанные по разоренной войной Европе русские эмигранты. Выдающийся специалист по истории русской литературы Глеб Струве, сын русского философа П.Б. Струве, ставший профессором университета штата Калифорния, дал следующее объяснение причин возрастания влияния русских интеллигентов второй волны в послевоенной интеллектуальной жизни Америки: «…в силу сложившегося в послевоенные годы международного положения вторая волна быстро приобрела влияние, к ее голосу стали прислушиваться, ее услугами стали пользоваться и правительственные учреждения (особенно в США), и общественные организации в размерах, в которых это и не снилось старой эмиграции» [цит. по: 13, с. 99].

Быстрое развитие *Russian studies* в условиях холодной войны с СССР привело к тому, что русские выходцы формировали значительную часть кадрового состава в различных исследовательских центрах, на радиостанциях, вещающих за «железный занавес» – радио «Свобода», «Голос Америки», Би-би-си. Идеи русских мыслителей во второй половине XX века стали интерпретироваться и распространяться в западном информационном пространстве в невиданных до Второй мировой войны объемах. Огромной популярностью пользовался, например, многолетний цикл радиопередач о русских мыслителях на всемирной сети радиовещания Би-би-си, подготовленный выходцем из России Исаей Берлином, выдающимся популяризатором идей Толстого, Белинского, Герцена, Чернышевского, Бакунина и других русских мыслителей. В 1979 году материалы этих радиопередач были в переработанном виде изданы в виде отдельной книги, впоследствии переведенной на китайский, датский, французский, немецкий, иврит, итальянский, польский, португальский, испанский, японский языки [15][1].

Американские *Russian studies* имели преимущественные стартовые возможности даже по сравнению с более укоренившимися и начинавшимися ранее европейскими исследованиями в этой области. Если иметь в виду двух мыслителей, переехавших в США во время и после Второй мировой войны, а именно Г.П. Федотова и Г.В. Флоровского, то планка философского россиеведения в их лице была настолько высока, что опережала мировой уровень буквально на

[1] О роли Исайи Берлина в развитии зарубежной историографии русской философии см.: [3].

десятилетия вперед. Опубликованные в США монографии Федотова, посвященные религиозной мысли Киевской Руси и богатству русской средневековой религиозной духовности, стали совершенно новым словом в медиевистике и в историографии русской философско-богословской мысли [16; 17; 18]. Они были первыми в своем роде исследованиями русской философско-богословской мысли XI–XVII веков; аналогичные работы М.Н. Громова, а затем В.В. Милькова появились в России лишь в постсоветское время[1].

Значительные научно-организационные заслуги в становлении американских Russian studies принадлежат выдающемуся богослову и религиозному философу Г.В. Флоровскому, который работал в Колумбийском, Гарвардском и Принстонском университетах. Известнейший американский русист, директор Библиотеки Конгресса Джеймс Биллингтон пишет во введении к своей главной монографии о том, что он «должен высказать особую признательность профессору преподобному отцу Георгию Флоровскому», он «во многих отношениях» является «духовным отцом этой книги» [2, с. 8]. Всемирно известный польский историк русской мысли Анджей Валицкий дает Флоровскому еще более высокую оценку, он считает его одним из самых выдающихся мыслителей XX века, а встречу с ним – важным событием своей жизни [6, с. 110].

Разумеется, высокая планка, заданная работами Федотова и Флоровского, выходившими в США и практически неизвестными в СССР, далеко не была характерна в целом для работ западных авторов второй половины XX века. Но несомненно то, что вплоть до начала 1990-х годов западным россиеведам принадлежала практически монополия в области историографии русской религиозной философии ввиду практического отсутствия в СССР соответствующих трудов, посвященных философии Соловьёва, славянофилов, Данилевского, Леонтьева, Бердяева и русскому религиозному ренессансу начала XX столетия. Первая европейская книга о русской философии, написанная Т. Масариком, в Советском Союзе была совершенно неизвестна. В лучшем случае избранным специалистам был доступен в спецхране ее английский перевод, изданный в 1955 году [24]. Советский запрет на труды Масарика, широко известные в научных кругах России до Первой мировой войны, очевидно, объяснялся тем, что в годы его президенства он организовал широкую акцию по поддержке философов русского зарубежья, в том числе высланных из Советской России в 1922 году и оказавшихся в Праге, среди которых были П.А. Сорокин, Н.О. Лосский, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, И.И. Лапшин. Вот почему первое русское издание «России и Европы» Масарика вышло лишь в начале нынешнего столетия [5].

Именно под влиянием выдающегося сочинения Масарика, впервые познакомившего западного читателя с философией Достоевского, исследования по русской религиозной философии рассматривались в Европе в качестве приоритетных, поскольку могли быть интерпретированы в качестве различных вариан-

[1] Монография Г.П. Федотова «Русская религиозная мысль» была опубликована в русском переводе в 2001 году (перевод С. Бычкова) в качестве X тома собрания сочинений Г.П. Федотова в 12 томах. Однако название тома, в русском переводе звучащее как «Русская религиозность», не точно передаёт замысел автора. Дело в том, что Федотов остановился на англоязычном термине «Russian religious mind» (по-русски звучащем буквально как «русская религиозная мысль») как раз из-за стремления избежать того, что в других европейских языках звучит как «религиозность» (нем. Religiosität, фр. sentiment religieux). Поэтому во введении к своей монографии он акцентирует то, что по-русски определяется как «религиозное сознание», а по-английски ассоциируется именно с интеллектуальной, рациональной деятельностью, а не с религиозностью как таковой. Он пишет: «Мой интерес сосредоточен на сознании человека: религиозного человека и его отношении к Богу, миру, собратьям; это отношение не только чисто эмоциональное, но также рациональное и волевое, то есть проявление всего человеческого существа» [10, с. 29].

тов христианского социализма и «идеалистического либерализма» как «русские альтернативы марксизму». Такова, вкратце, была концепция американского автора Дж.Ф. Патнэма, изложенная в его монографии [25]. Рассматривая социально-философские построения С.Н. Булгакова и П.И. Новгородцева, Патнэм вполне убедительно критиковал позиции догматического марксизма, обосновывающие прямую связь между философскими воззрениями и классовыми буржуазными установками. Ведь существует множество различного рода интеллектуальных течений, в которых бесполезно искать какое-либо воплощение классовых интересов. Так и «философский персонализм» Новгородцева, и «христианский социализм» Булгакова вовсе не были выражением какого-то классового редукционизма, но, напротив, выступали в защиту «политической свободы, социальной справедливости, экономического изобилия, совершенствования личности» [25, p. 158].

В 1983 году Конгресс США принимает закон о «Советско-восточно-европейских исследованиях и обучении» (Soviet-Eastern European Research and Training Act of 1983). Это был последний публичный федеральный закон, нацеленный на регулирование *Russian studies*. Интенсивность русских исследований в США после распада СССР заметно снизилась, и подобные законы уже не принимались. Русские исследования были переданы в ведение Государственного департамента в качестве грантовой программы под названием «Программа исследований и обучения Восточной Европы и СНГ (бывшего Советского Союза)» (Program for Research and Training on Eastern Europe and the Independent States of the Former Soviet Union (Title VIII)). Title VIII – это локальная грантовая программа Государственного департамента, по своему масштабу она не выдерживает никакого сравнения с первым американским законодательным актом в этой области – NDEA от 1958 года, породившим советологию и *Russian studies*.

* * *

После распада СССР западные приоритеты в оценке русской философии изменились. К преемникам бывших советологов пришло осознание того, что русская религиозная философия гораздо более враждебна по отношению к Западу и западным ценностям, чем коммунистическая марксистско-ленинская идеология. Об этом пишет, например, в своей докторской диссертации голландский ученый Эверт ван дер Звеерде, ныне являющийся профессором католического университета Наймеген в Нидерландах [26]. Это действительно так, ибо марксизм и коммунизм, несмотря на свою антикапиталистическую направленность, являются плоть от плоти детищем Запада. В конце концов, марксизм родился не в Китае и не в Индии, а представлял собой новейшее слово европейской философии. Сходная мысль, как мы видели, выражена и в «Черных тетрадях» М. Хайдеггера.

Сегодня на Западе можно наблюдать – в противоположность тому, что было во времена существования СССР – резкий критицизм в адрес антизападнического содержания оригинальной русской философско-политической традиции. В связи с этим характерен тезис французской исследовательницы евразийства Марлен Ларюэлль о «евразийском империализме», который якобы стремился лишь узаконить масштабы Российской империи в пределах Евразии [4][1]. Ларюэль является ныне профессором столичного университета

[1] См. также серию работ Марлен Ларюэль на английском языке [19; 20; 21]. Ларюэль представляет евразийцев русскими имперскими националистами, взявшими на вооружение средневековую идею «Москва – Третий Рим». Однако она ничего не говорит о том, что данная идея вовсе не являлась русским изобретением, а распространялась по всей средневековой, в том числе католической, Европе как идея *Roma aeterna* (Рим вечный). В Европе на роль третьего Рима претендовал также Краков, а в России – не только Москва, но и Псков. Эта христианская концепция специально изучается в рамках постоянно действующего международного научного семинара «Da Roma alla Terza Roma». Об этом см.: [9].

Джорджа Вашингтона (США) и в последние годы выступает наиболее активным и последовательным критиком современной «имперской версии русского национализма». Эту версию она усматривает в «кремлевском повороте от либерализма к консерватизму», выраженном во внимании к наследию русских религиозных философов [22; 23].

Наиболее позитивной особенностью современного этапа зарубежного философского россиеведения является участие иностранных ученых в российских научных проектах, их публикации в российских научных журналах и перевод зарубежных монографий на русский язык. Нельзя не сказать и о том, что за рубежом растет число переводов русских философских текстов. В качестве примера приведу перевод энциклопедии «Русская философия» [8] на сербский (2009, 2014) и французский (2010) языки. Нельзя не отметить также тенденцию, проявляющуюся в Европе в связи с современным ростом дехристианизации европейского сознания. Озабоченные этим процессом представители католических кругов обращают свои взоры на Россию и русскую религиозную мысль. Особо надо выделить работы недавно ушедшего из жизни кардинала Томаша Шпидлика, ведущего специалиста Ватикана по истории русской религиозной мысли. Он является автором более двадцати книг на эту тему, написанных главным образом на французском языке. Среди его работ выделяется фундаментальная монография «Русская идея: Иное видение человека», переведенная на несколько языков [14]. В этой книге особо подчеркивается значение русской религиозной мысли для современного человека как философии сердца в отличие от западной философии, где остро ощущается дефицит сердца и любви.

В настоящее время центр зарубежных исследований русской философии перемещается в Европу, главным образом во Францию и Германию – туда, где они и зарождались. В данном случае позиция кардинала Томаша Шпидлика, выраженная в книге «Русская идея: Иное видение человека» близка мысли Мартина Хайдеггера, высказанной в «Черных тетрадях»: брутальность и жесткость русского коммунизма имеет главным образом европейские источники и подлежит отрицанию, тогда как духовный, консервативный потенциал русскости достоин сохранения. Для его развития необходим диалог с европейской метафизической традицией.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
2. *Биллингтон Дж. Х.* От автора // Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.
3. *Ванчугов В.В.* Берлин Исайя // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 2014. С. 51–52.
4. *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / Пер. с фр. М., 2004.
5. *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. Кн. I–III. М., 2000–2003.
6. *Маслин М.А.* Анджей Валицкий как историк русской философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 6. С. 107–117.
7. *Мотрошилова Н.В.* «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1146&Itemid=52
8. Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Изд. 2-е, дораб. и доп. М., 2014.
9. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
10. *Федотов Г.П.* Русская религиозность. Ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, 2001.

11. *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012.

12. *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005.

13. *Фрейнкман-Хрусталёва Н., Новиков А.* Эмиграция и эмигранты. СПб., 1995.

14. *Шпидлик, Томаш.* Русская идея: Иное видение человека / Пер. с фр. В. Зелинского, Н. Костомаровой. СПб., 2006.

15. *Berlin I.* Russian Thinkers. N.Y., 1979.

16. *Fedotov G.* The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries. Cambridge, Mass., 1946.

17. *Fedotov G.* A Treasury of Russian Spirituality. N.Y., 1948.

18. *Fedotov G.* The Russian Religious Mind. Vol. 2: The Middle Ages: The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. Cambridge, Mass., 1966.

19. *Laruelle M.* Russian Eurasianism: an Ideology of Empire. Washington, DC; Baltimore, Md., 2008.

20. *Laruelle M.* Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia. London: Routledge, 2010.

21. *Laruelle M.* In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in Contemporary Russia. N.Y.: Palgrave; MacMillan, 2009.

22. *Laruelle M.* The Two Faces of Contemporary Eurasianism. An Imperial Version of the Russian Nationalism // Nationalities Papers 32, 2004, no. 1.

23. *Laruelle M*. Conservatism as the Kremlin's New Toolkit: an Ideology at the Lowest Cost // Russian Analytical Digest, 2013. No. 138.

24. *Masaryk Th.* The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy. 2 vols. N.Y., 1955.

25. *Putnam G.F.* Russian Alternatives to Marxism. Christian Socialism and Idealistic Liberalism in Twentieth Century Russia. Knoxville: University of Tennessee Press, 1978.

26. *Zweerde, van der E.* Soviet Historiography of Philosophy: Istoriko-filosofskaja Nauka. Hague: Mouton, 1997.

Аннотация. Статья акцентирует внимание на недавней сенсационной публикации посмертных «Черных тетрадей» Мартина Хайдеггера, где автор подчеркивает необходимость расширения философского диалога Европы и России. Статья посвящена анализу оценки истории русской философии на Западе: от первого исследования Т. Масарика «Россия и Европа» (1913) до работ советологов и современных специалистов по русским философским исследованиям.

Ключевые слова: «Черные тетради» М. Хайдеггера, «Россия и Европа» Т. Масарика, русская эмиграция, русская философия за рубежом, советология и россиеведение, диалог России и Европы.

Mikhail Maslin, Ph.D. in Philosophy; Head of Department, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Professor emeritus. E-mail: mmaslin@yandex.ru

Russia and Europe: Dialogue on Russian Philosophy

Abstract. The author focuses attention on the recent publishing sensation – «The Black Notebooks» by Martin Heidegger, which emphasized the need for broadening the philosophical dialogue between Europe and Russia. The article analyzes the evaluation of Russian philosophy in the West: from the first study of T. Masaryk (1913) to the works of sovietologists and modern experts in Russian philosophical studies.

Keywords: "The Black Notebooks" by M. Heidegger, "Russia and Europe" by T. Masaryk, Russian Emigration, Russian Philosophy Abroad, Sovietology and Russian Studies, Europe-Russia Dialogue.